

Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

Второй отдел: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины
II. Выпуск пятый: XVII столетие.

Глава 10.

ЕПИФАНИЙ СЛАВИНЕЦКИЙ, СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ И ИХ ПРЕЕМНИКИ

Перенесение киевской учености в Москву было важнейшим событием в истории русской образованности XVII века. Событие это, чрезвычайно плодотворное по своим последствиям, началось постепенно, едва заметно, не сопровождалось никакими новыми учреждениями и ничем торжественным. Из московских бояр выдавался тогда Федор Михайлович Ртищев. Это был человек старой Руси, но лучший человек, какого могла выработать старая Русь. Ревностно благочестивый, хранитель священных преданий и обычаев старины, он не довольствовался, как другие, одним соблюдением внешних приемов набожности; он был из тех, которые ищут внутреннего смысла наружных признаков; учение Христа увлекало его к подвигам христианской добродетели. Ртищев тратил значительные суммы на выкуп пленных, которых тогда было чрезвычайное множество в мусульманских землях, помогал нуждающимся, построил и содержал больницу для убогих. Во время войны с Польшею, сопровождая царя, Ртищев взял на себя попечение о раненых и изнемогавших от зимнего холода, приказывал подбирать их и отвозить для приюта в нанятые для них помещения, пользовал и содержал на свой счет, а по выходу их давал им вспоможение. Ртищев очень любил читать книги духовного содержания и посещать богослужение. Но ни то, ни другое не могло удовлетворять его в своем тогдашнем виде. Не все сочинения святых были ему доступны в славянском переводе, да и списки тех, которые он мог читать, не отличались правильностью и однообразием смысла. Ртищев видел, что нужны новые, более правильные переводы; чтение самого Священного Писания возбуждало в нем желание проверить, правильно ли оно переведено в том виде, в каком было доступно для русских. Печатных изданий, кроме Острожского, не было; в рукописных были разноречия.

Ртищев пришел к тому, что было бы необходимо в Москве заняться переводами благочестивых книг. Богослужение совершалось в то время, как искони в Москве, небрежно, невежественно, неблагочинно. Ртищев настаивал на том, что надобно привести его в достойный вид и произвести пересмотр богослужбных книг. Царь Алексей Михайлович полюбил Ртищева. Характер этого боярина пришелся по душе тишайшему царю. Бояре же смотрели на Федора Михайловича не совсем дружелюбно, даже с насмешкою; при тогдашнем господстве внешности, тот, кто слишком задумывался о внутреннем смысле внешнего благочестия, казался для многих чудачком.

Ртищев знал, что в Киеве уже делается то, о чем он помышлял, и, преданный всецело своей мысли, обратился туда.

Сношения Малороссии с Москвою были частые. Игумены малороссийских монастырей просили у царей милостыни; за тем же обращалось еще к царю Михаилу Федоровичу и киевское братство. В 1640 году Петр Могила уговаривал царя устроить в своей столице монастырь, в котором бы старцы и братия киевского братского монастыря "детей боярских и простого сана людей грамоте греческой и славянской учили". Таким образом, сам преобразователь воспитания в южной Руси первый обратился в Москву и просил там сделать то, в чем нуждалась Великая Русь. Достоинно замечания, что, в своем письме к царю, Петр Могила выразился, что он об этом бьет челом государю паче всяких своих прошений. Так занимала киевского архипастыря мысль распространить начатое им дело на весь русский мир. В 1646 году Петр Могила прислал преемнику Михаила царю Алексею в подарок несколько лошадей и разные вещи, что показывает его постоянное желание связи с Москвою. Но, при дружелюбных отношениях православной Малороссии к православной Москве, у москвичей, однако, образовалось предубеждение против малорусской образованности и заподозревалась чистота правоверия киевских духовных писателей и наставников. Отчасти сами малоруссы возбуждали эти подозрения. При жизни патриарха Филарета, один киевлянин, званием игумен, доносил на учительное евангелие своего земляка Кирилла Транквиллиона Ставровецкого. Оценка этого сочинения поручена была двум московским книжникам: богоявленскому игумену Илье и соборному ключарю Ивану Шевелю. Не зная языка, на котором было написано произведение южнорусского писателя, они находили еретический смысл там, где встречались грамматические особенности и непонятное для них значение слов ¹. Москвичи считали себя одним только истинно православным народом в целом свете; греки, давшие России крещение, потеряли над ними прежнее свое обаяние; москвичи не доверяли греческим книгам, потому что греки, живя под властью неверных, воспитывались и печатали свои книги на Западе. Москвичи считали свои старые переводы более правильными, чем греческие подлинники в том виде, в каком последние были напечатаны; такой взгляд особенно утвердили справщики книг при патриархе Иосифе. Сам Никон вначале разделял этот взгляд и говорил, что как "малороссияне, так и греки потеряли веру и крепость добрых нравов; покой и честь их прельстили, они своему чреву работают и нет у них постоянства..."

Появление киевских ученых в Москве, очевидно, должно было встретить против себя много враждебного, но боярин Ртищев, поддерживаемый царем, в виде частного предприятия, принял на свой счет пригласить и содержать нескольких киевских ученых, "ради обучения словенороссийского народа детей еллинскому наказанию".

Нам, к сожалению, неизвестны первоначальные сношения Ртищева с Киевом по этому поводу, но, по его просьбе, несколько ученых монахов решились оставить родину и служить делу духовного просвещения в Московском государстве, осуществляя, таким образом, одну из заветных мыслей покойного Петра Могилы. Главным из этих приезжих ученых был иеромонах Братского монастыря Епифаний Славинецкий ².

Воспитанник киевомогилянской коллегии, Епифаний dokonчил свое образование за границей, а потом был преподавателем в той же киевской коллегии, где учился сам. Трудно было найти человека, более годного для того, чтобы открыть собою в Москве ряд ученых. Епифаний обладал большою, по своему веку, ученостью: отлично знал греческий и латинский языки, имел сведения в еврейском языке; он изучил писания Св. отец и всю духовную, греческую и латинскую литературу, знал хорошо историю и церковную археологию. Он был характера кроткого, сосредоточенного, предпочитал уединенную жизнь кабинетного ученого всяким искательством почестей, не терпел никаких житейских дразг, был всем сердцем предан науке, но это не мешало ему применять свою науку к самым насущным потребностям своего времени. Славинецкий был, словом, одним из тех ученых, которые, живя кабинетными затворниками, работают, однако, небесплодно для современных нужд своего общества. Славинецкий умел уживаться со всеми, никого не раздражал заявлением о своем умственном превосходстве и своею безукоризненною честностью приобрел всеобщее уважение. Никон, познакомившись с ним, полюбил его, изменил свое предубеждение против малоруссов и во всем положился на него в важном деле исправления книг.

Первые труды Славинецкого состояли в переводах разных сочинений Св. отец. Ртищев поместил его с братиею в новопостроенном Андреевском Преображенском монастыре на берегу Москвы-реки (между Калужскими воротами и Воробьевыми горами, где теперь дом Общественного Призрения). Кроме переводов книг, обязанностью киевских монахов было обучение юношей: в том же монастыре было основано училище.

Но не долго пришлось Славинецкому проживать в этом уединении. Царь назначил его справщиком типографии и перевел в Чудов монастырь, где также было училище, переведенное туда из здания типографии. Славинецкому, главным образом, поручили важное дело исправления книг. В постоянных ученых занятиях, Епифаний пробыл в Москве 26 лет, проживая со своими сотрудниками также в архиерейском доме, в Крутицах, где был прекрасный сад, изобильно снабженный водою. Он постоянно оставался в том же звании иеромонаха, в котором прибыл из Киева, и только однажды принял участие в общественном деле, именно тогда, когда хотели судить Никона. Заявивши свое мнение, строго подкрепленное церковными законоположениями, верный своему скромному монашескому сану, не стал он спорить с сановитыми противниками Никона и воротился к своему ученому уединению. Жизнь Епифания, как вообще жизнь ученого труженика, протекала однообразно. Он весь отразился только в своих ученых трудах.

Исправление богослужебных книг начал Славинецкий неторопливо, с надлежащею обдуманностью. Для этой цели был отправлен на Восток Арсений Суханов за разными старыми рукописями. Только окруживши себя громадным количеством греческих и славянских списков, принялся Епифаний за исправление книг. Помощниками ему были приехавшие с ним земляки: Арсений Сатановский и Данило Птицкий, Арсений грек, затем несколько великороссиян: справщиков и книгописцев печатного дела³.

Под руководством Епифания были напечатаны богослужебные книги в исправленном виде, в том виде, в каком до сих пор остались они в употреблении по церквам во всей России и даже в православных краях славянского мира. То были: Служебник с предисловием, составленным Епифанием, Часослов, две Триоди: постная и цветная, Следованная псалтирь, Общая Минея, Ирмолог. К тому же разряду богослужебной литературы, как объяснительную книгу, можно отнести Новую Скрижаль, переведенную с греческого и напечатанную в 1656 году. Здесь объясняется литургия и другие обряды восточной церкви. К этой книге Епифаний приложил историю начала исправления книг в России, поводы, побудившие к этому предприятию, деяния собора, состоявшегося в Москве по этому поводу, и опровержения против нападков врагов исправления книг. Богослужебная реформа обыкновенно считается делом Никона, как вообще приписываются важные перемены, учреждения, устройства тем лицам, которые занимали правительственные должности, между тем как собственно всю работу исполняли подначальные им труженики, иногда мало известные и незаметные. Противники богослужебной реформы окрестили ее последователей именем Никониан. Но если и справедливо принадлежит она патриарху Никону, сознавшему важность и необходимость предпринятых исправлений, то еще с большим правом надобно признать эту реформу делом Славинецкого и работавших под его руководством тружеников, тем более, что Никон, человек хотя умный, но мало ученый, на самом деле во всем должен был полагаться на добросовестность и знания Епифания.

Вместе с исправленными богослужебными книгами, необходимо было также издание церковных законоположений в исправленном виде. Епифаний перевел Правила Св. Апостол, Правила вселенских и поместных соборов, Фотиев Номоканон с толкованиями византийских юристов Вальсамона и Властаря и Собрание церковных правил и византийских гражданских законов, составленное по-гречески Константином Арменопулом.

Переводная деятельность Епифания обратилась на писания Св. отец. Он перевел много сочинений, из которых некоторые были уже давно известны и любимы в славянских переводах, но тем нужнее было издать их в более правильном виде ⁴. Переведено было им еще несколько житий святых: Алексея Божия человека, Феодора Стратилата, великомученицы Екатерины. Жития этих святых были уже прежде в ходу у читателей и искажались вымыслами, а потому особенно полезным казалось издать их вновь как следует.

Одними религиозными сочинениями не ограничился Епифаний в своих переводах. Он перевел с латинского несколько светских книг по части педагогики, истории, географии и даже анатомии ⁵: нельзя, однако, сказать, чтобы литературное достоинство переводов Епифания могло привлекать к ним много читателей. Переводчик, большой буквалист, хотел переводить как можно ближе к подлиннику, и, вместо того, чтобы передать смысл подлинника оборотами, свойственными языку, на который переводится, он кует произвольно славянские слова на греческий лад, дает славянской речи греческую конструкцию, вообще слог его переводов тяжел, темен, иногда непонятен ⁶. В самом его переводе богослужебных книг также встречаются тяжелые и неудобопонятные обороты.

Главнейшей мыслью, занимавшей Славинецкого всю жизнь, был новый ученый перевод библии; к сожалению, эта мысль не осуществилась. Вместо нового перевода, в 1663 году, напечатана была библия с острожского издания с некоторыми небольшими поправками явных ошибок (например, вместо: "изъядоша семь крав - изыдоша семь крав", и т. п.). В предисловии к этой библии, вероятно написанном самим Славинецким, как главным справщиком типографии, приводятся две главных причины, воспрепятствовавших более ученому изданию библии. Первая была - господствовавший в то время предрассудок, что у греков повредилось благочестие, что их книги испорчены, и самый правильный текст заключается в старых славянских переводах; вторая причина, по выражению предисловия, еще более важная - "неудобоносимое время, настоятельство браней, вещей в мире оскудение", т.е. неудачные военные обстоятельства и вследствие их скудость средств, которые необходимы были в значительном количестве для этого предприятия. "Всякому легко понять, - продолжает предисловие, - что никак невозможно было начинать и доводить до конца этого предприятия". Но одно уже печатное издание библии в Москве было новым явлением для своего времени; Славинецкий же не оставил мысли о лучшем издании; и после того как прекратились тяжелые войны, он стал неотступно просить царя, владык и бояр разрешить новый перевод Священного Писания. "Мы, - говорил он, - не имеем хорошо переведенной библии; даже в евангелии есть погрешности; и мы за это терпим укоризну и крайнее бесчестие от иноземных народов". В 1674 году собор, состоявшийся при участии царя Алексея Михайловича, поручил Славинецкому сделать новый перевод библии под наблюдением Павла Сарского, исправлявшего должность патриарха. Под рукою у Епифания было две печатных греческих библии и, сверх того, множество рукописей как греческих, так и славянских, из которых многие были привезены Сухановым с Востока. Но Епифаний успел перевести только Новый Завет и Пятикнижие. Смерть прекратила его труды.

Славинецкий применил к делу свои филологические знания и издал два лексикона: один филологический, для объяснения слов, встречаемых в церковных книгах и церковном богослужении; другой - греко-славяно-латинский, где помещено до 7000 слов. Оба эти лексикона остались неизданными. Епифаний писал проповеди и поучения. Эта деятельность также соответствовала требованиям времени. Проповедь была тогда в Великой Руси новостью. С XV века там никто не говорил проповедей, никто даже не считал полезным делом говорить их, напротив, там думали, что они могут подавать повод к вольнодумству и ересям. Патриарх Никон, первый из русских иерархов, ввел в богослужение проповеди и поручил читать для народа поучения Епифанию, вполне доверяясь как его правоверию, так и учености. Переведенные Епифанием с греческого "Поучения Отцов Церкви" имели практическое применение и читались им в храмах. Кроме переводных проповедей, он написал около 50 слов собственного сочинения, которые до сих пор остаются в рукописях. Проповеди Епифания походят более на диссертации, чем на поучения народу. Епифаний объясняет догматы и символы церкви, значение праздников и разбирает ученым способом разные стороны христианского учения. Проповеди его испещрены множеством выписок из церковных писателей; эти выписки приводятся в рукописях даже не в переводе, так что в таком виде они могли читаться разве только ученым. Впрочем, как думают,

проповедник переводил эти места во время произнесения проповеди. Нередко Епифаний приводил места из греческих философов и даже поэтов (но гораздо с большей критикой, чем другие малорусские проповедники). Слог его проповедей, - хотя значительно лучше слога переводов, изданных под его руководством, - страдает, однако, вычурностью и напыщенными метафорами ⁷. Есть несколько проповедей, где Славинецкий захватывает вопросы современной жизни. В одной из таких проповедей, которая начинается словами: "Людие, сидящие во тьме", проповедник говорит о пользе знакомства с греческим языком и вооружается против тогдашних ревнителей невежества с негодованием, для примера вспоминает о Марке Катоне, не хотевшем распространения греческого просвещения в Риме. "В нынешние времена, - говорит он, - много видим мы ослепленных людей, которые возлюбили мрак неведения, ненавидят свет учения, завидуют тем, которые хотят озарять ими других, вредят им клеветами, лицемерием, обманом, подобно тому, как совы, по своей природе, любят мрак и скрываются, когда засияет солнечная заря, так и эти мысленные совы, ненавистники науки, скроются в любимый ими мрак, когда ясная благодать пресветлого царского величества захочет разрушить тьму, прогнать темный обман и благоизволит воссиять свету науки и просвещать природный человеческий разум". Эта же любовь к просвещению выражается у него в поучении к иереям, где он дает священнику такое наставление: "Пекись и промышляй всем сердцем и душою, сколько твоей силы станет, увещивай царя и всех могучих людей везде устраивать училища для малых детей, и за это, паче всех добродетелей, ты получишь прощение грехов своих!" Поучение к иереям замечательно также и в других современных отношениях, так как проповедник дает наставление священникам: что они должны говорить своим духовным детям. Здесь касается Славинецкий ложного благочестия, приказывает не думать спастись молитвами святых угодников, пребывая самому во грехах, повелевает почитать иконы, но помнить, что это только изображения, чествовать святых, но только как рабов и служителей Божиих: "Те же, - прибавляет проповедник, - которые хотят поклоняться иконам, как богам, достойны вечного огня". Замечательно то наставление, которое он вменяет в обязанность священнику делать господам относительно их рабов и подвластных. "Будь для рабов твоих таков, каким хочешь, чтобы был для тебя владыка. Не налагай на земледельцев работ паче их силы, не озлобляй их, дабы вопль и стенанье их не дошли до Господа. Пусть они имеют праведное уравнение в работе и в дани. Лучше получить мало пользы с правдою, чем много с неправдою. Посмотри, как тяжело приобретают они потребное для себя: те отправляются в дальнее путешествие по суше и по воде, приобретают себе достояние долговременною разлукою с домом, другие несут ярмо вседневного страдания в тяжелых земледельческих работах и, собирая земные плоды, дорожат каждым зернышком".

В слове о милостыне проповедник в живых красках рисует разные положения людского страдания, требующего поддержки и пособия. Он не слишком любит просящих милостыни и сердечнее относится к тем, которые стыдятся или не могут просить, не хотят валяться и шататься по улицам, а между тем горько страдают. Таковы вдовы, оставшиеся без мужей в нищете с малыми детьми, с возрастными девицами: "Дети хотят хлеба, служители - платы, девицы - одежды, сыновья - ученья или рукоделья, а между тем заимодавцы требуют долгов, заводят тяжбы, берут залого; они же стыдятся просить". Затем проповедник

изображает страдания сирот в разных положениях: "Вот покинутый младенец, он плачет; как его не помиловать? Кто может быть достойнее милосердия, как не глупое существо, не знающее своей беды? Вот дети, оставшиеся без родителей; попечителей у них нет, или же попечители не радуют о них; вот возрастные девицы без одежды, без научения, в гладе, в нужде... А вот бедные крестьяне: у тех скот пал, у того господин все взял, у другого воин все ограбил, а тут царь дани требует, господин оброку... работать бы ему, да нечем..." К числу достойных сострадания проповедник причисляет странника и пришельца: "Не о том пришельце говорим, который идет в чужую страну для обогащения, а о том, который зайдет туда по какой-нибудь нужде, напр., ищет себе службы у доброго государя, или женится на чужеземке, и вдруг от разбоя, недуга или какого иного несчастья погубит все свое достояние; нет у него приятелей, нет знакомых, и языка страны он не знает. Такого надобно пожалеть". Но касаясь раздачи милостыни всякому встречному, проповедник опровергает господствовавшее тогда (и теперь оно существует) на Руси мнение, что следует давать всякому, кто попросит именем Христа. "Если ты видишь просителя здорового и не состарившегося и даешь ему милостыню - то сам делаешься общником греха. Стыдно смотреть, как размножились у нас скитающиеся гуляки, обманщики, как много таскается по улицам здоровых женщин с малыми детьми, а еще более девиц. Иные за деньги нанимают малых детей и через них собирают милостыню, а ночи проводят во всяком бесчинстве". Он вооружается также против шатающихся монахов и монахинь, но вместе указывает и на причины этого шатания. "Настоятели тратят монастырское имение на свое сластопитание, угощают у себя вельмож, содержат откормленных лошадей, приготавливают себе вкусные и дорогие снеди, а бедной братии дают негодную, суровую и гнилую пищу". Он требует, чтобы архиереи старались прекращать это бесчинство, а мирское правительство, по его мнению, должно устраивать богадельни для престарелых и больных, обеспечивать их и смотреть, чтобы призреваемые не бегали оттуда и не шатались по миру. Наконец, Епифаний предлагает, для призрения бедных и для устранения бесчинства, составить братство или общество милосердия. Кто будет давать деньги, а кто помогать своим трудом. Каждое воскресенье будут братья сходиться для рассуждения между собою и выберут из среды своей десять распорядителей. Посторонние посетители будут приходить и извещать братию о человеческих нуждах. Братия будет обсуждать: кому, чем и сколько помочь, смотря по надобности: иным бедным можно давать временное пособие, другим постоянное до самой смерти. Женщины могут составить свое общество милосердия и, собравши пожертвования, еженедельно отсылать в главное всеприютлище; наконец, Епифаний предлагает устроить кассу и давать из нее бедным займы, а если много будет денег в кассе, то можно давать и имущим, но в обоих случаях без лихвы.

Мысль эта, по-видимому, внушена была Славинецкому примером юго-западных братств с тою значительною разницею, что общество, предлагаемое Славинецким, было чисто благотворительное, тогда как юго-западные братства имели целью защиту православия и обучение детей.

Одна из проповедей Епифания направлена против раскольников, которых он называет непокорниками, и обличает не от лица своего, а от лица церкви, касаясь преимущественно тех писателей, которые рассеивали в народе

сочинения против исправления книг. Новоявленные учителя тайно составляют ложные писания и тем в народе производят толки и смятения. Они сами стыдятся или боятся показать лицо свое. А кто призвал их на дело тайного учения, или, лучше сказать, народовозмущения? Не Бог, не архиереи; своим гордым самомнением и тщеславным умом дошли они до этого. Уже не то что мужчины, даже и женщины, которым Апостол учить не повелевает, пустились на это. Слепые невежды, едва привыкшие читать по складам, не имеющие понятия о грамматике, не то что о риторике, философии и богословии, люди, даже не отведавшие учения, дерзают толковать божественное писание, или, лучше сказать, извращать его, оговаривают и осуждают благоискусных мужей в славянском и греческом языке. Не видят невежды, что у нас исправлялись не догматы веры, а только кое-какие выражения, измененные недомыслием и описками невежественных писцов или невежеством типографских справщиков.

Кроме всех упомянутых трудов, Славинецкий написал еще несколько канонов, похвальных слов, утешительное послание к княгине Радивилловой, сочинение об отшествии с престола Никона патриарха, сочинение "о псалмах, превращенных от Аполлинария" и т. п. Еще не вполне известны и не исследованы все его сочинения.

Славинецкий скончался 19 ноября 1675 года, завещавши киевскому братству свою библиотеку, которая, впрочем, была не велика. Кроме книг, после него осталось восемьдесят червонцев и серебряные часы с цепочкою ценою в 20 рублей. Червонцы были разосланы по разным южнорусским монастырям, а большая часть книг оставлена в Москве, кроме 31, отправленных на киевское братство; за остальное выплачены деньги.

Епифаний Славинецкий погребен в московском Чудовом монастыре ⁸.

Жизнь этого человека до переселения его в Москву нам совершенно неизвестна. Есть основание думать, что он родился в 1628 году, учился в киевской коллегии, потом в заграничных учебных заведениях и, по возвращении своем в свое отечество, Белоруссию, поступил в монахи. Алексей Михайлович познакомился с ним в Полоцке. В 1664 году Симеон прибыл в Москву и был помещен в Спасском монастыре за иконным рядом. С ним приехали его служители. Ему приказано было давать из дворца содержание; но остались его письма к царю - любопытные не столько для характера Полоцкого, сколько по чертам тогдашнего порядка вещей - из которых видно, что, несмотря на то, что Симеону от самого государя назначено было содержание, Симеон принужден был несколько раз обращаться к царю с письмами и просить, чтобы ему выдавали то, что было положено. Таким образом, кроме содержания для себя и для своей прислуги, он просил, чтобы ему, согласно обещанию, выдавали дрова во время зимней стужи и корм его лошадям. Характер этого человека не был похож на характер Епифания. Он не довольствовался скромными келейными учеными трудами; он беспрестанно напоминал о себе при дворе, кланялся государю, писал поздравительные стихи, восхваления всякого рода и вошел в такую

милость, что сделался учителем царевича Федора, а пред концом царствования Алексея Михайловича увеселял царя и его двор комедиями своего произведения.

Сочинения Полоцкого не показывают в нем большой учености; он вовсе не знал по-гречески; Епифаний Славинецкий недолюбливал его, как часто не любят добросовестные труженики науки верхоглядов, и когда Симеон набивался к нему в сотрудники по исправлению книг, Епифаний отделался от Симеона, хотя, по своему добродушию, охотно отвечал ему на разные вопросы, с которыми обращался к нему Симеон, гораздо меньше его ученый. Зато, не успевши приобрести значения у строгого ученого, Симеон поспевал везде и прославлялся как защитник православия против раскола, как богослов, как проповедник, как стихотворец. Замечательного таланта у него не было ни на одно из этих призваний, но его сочинения занимательны, так как касаются современных вопросов жизни и представляют много своеобразного в духе своего времени.

В 1667 году, в разгар борьбы против раскольников, патриарх Иосиф приказал напечатать составленную Симеоном книгу под названием: "Жезл Православия". В длинном предисловии, исполненном болтовни, автор обращается с сильными воскурениями к архиереям вообще, восхваляя их великое значение. Само сочинение разделяется на две части. Первая часть есть обличение челобитной попа Никиты Пустосвята, поданной царю против новоисправленных книг и главным образом против книги "Новая Скрижаль"; вторая часть сочинения Полоцкого направлена против челобитной попа Лазаря. Никита Пустосвят старается, на основании произвольно приданного смысла отрывочно взятых фраз, обличать Никона и исправителей книг в ересь. Симеон уличает Никиту, что он не знает грамматики, а потому не понимает того, что читает. Таким образом, взявши одно место перевода, где изображается человек, носящий крест, Никита понял это место так, что там говорится о Христе, тогда как шла речь не о Христе, а о преступнике, осужденном на казнь⁹. К такому же разряду промахов принадлежит обличение Никиты против молитвы при крещении. Никита доказывал, будто выходит такой смысл, что призывается нечистый дух (несмотря на нелепость этого замечания, опровергнутого еще Симеоном Полоцким, он до сих пор повторяется раскольниками в числе важных укоров), тогда как все произошло от того, что не ведающий хорошо славянской грамматики ревнитель староверства не знал различия звательного падежа от именительного¹⁰.

Спор Симеона с Никитою заходит в богословские тонкости, напр. - о способе воплощения Христова. Но тут Симеон, пустившись в умствования, невольно выказал влияние католичества, которое отразилось на нем со времени посещения римско-католических училищ. Он, между прочим, признает временем пресуществления святых даров на литургии произнесение священником слов Спасителя: "Приимите и проч.", тогда как (что и поставлено было впоследствии Симеону в вину) восточная церковь мудрствовала иначе.

Спор Симеона с Никитою касался также вопросов о двуперстии, о четвероконечном кресте (называемом раскольниками латинским крыжем), о сугубом аллилуйи и пр. Тон, с которым Симеон вооружается против своего противника, переходит в ругательство: Симеон называет его буесловцем,

нечестивым, окаянным, смрадным козлицем, свиньею, изрывающей вертоград церкви, разбойником, удом согнившим и проч.

Спор с Лазарем вращается более, чем спор с Никитою, в области приемов внешнего богослужения, либо же касается придинок Лазаря к словам и выражениям в переводах, которыми, для буквальной близости к подлиннику или для грамматической правильности речи ¹¹, в новоисправленных книгах заменены были прежние однозначные выражения. В разных обрядах, принятых и установленных тогда церковью, Лазарь усматривает влияние то латинства, то армянства: зачем, например, плащаницу ставят головою на полдень, зачем на Пасху читают диаконы Евангелие в разных местах церкви; зачем поп сидит на исповеди, зачем архиереи благословляют обеими руками, зачем введено пение, напоминающее органы и проч., и проч.; на все отвечает Симеон объяснительным тоном, но примешивает иногда и ругательства. В особенности озлобился он за то, что Лазарь в своей челобитной представлял царю, что неприлично делают, поминая его "тишайшим и кротчайшим", и слова в ектениях "о всей палате и воинстве" толковал так, как будто здесь говорится не о здравии и спасении царя, не о его боярах и воинах, а о каких-то каменных палатах и палатном воинстве. "О, клеветник Лазарь, - возражает ему Симеон, - как это ты Бога не боишься и людей не стыдишься; будто мы, называя государя тишайшим и кротчайшим, ругаемся над именем великого государя нашего. Невежда! Безумный злобник!.. А что ты клеветнешь, будто мы не творим молитв о боярах, но молимся о каменных палатах и о палатном воинстве, так такое обличение, вместо ответа, лучше оплевать и обругать и тебе уста заградить жезлом, как псу лаящему!.." Затем объясняет ему Симеон, что слово "палата" заменяет бояр и воинство "через образ грамматический и риторский, именуемый синекдохе, еже различными образы бывает, егда едино из другого коим-либо обычаем познавается".

В 1670 году Симеон написал большое богословское сочинение под названием: "Венец веры кафолическия". Он берет так называемый большой апостольский символ веры и по членам его распределяет разные богословские предметы, излагая их в форме вопросов и ответов ¹². Такой способ дает ему повод, наподобие средневековых схоластиков, задавать самые затейливые и мелочные вопросы, сообщает различные мнения об этих вопросах, почерпаемые то из восточных, то из западных писателей, а нередко из апокрифических сочинений. Зачем, например, Христос родился в декабре? В какой час дня совершилось благовещение и рождество? Мог ли Христос говорить тотчас после своего рождения? Зачем Христа пригвоздили к кресту четырьмя, а не тремя гвоздями? Всю ли свою кровь, излившую на кресте, восприял Христос при воскресении или частицы ее остались и смешались с землею? и пр. и пр. Следуя за апостольским символом, когда пришлось говорить о Творце и творении, Симеон изложил своеобразную и уродливую систему космографии, показывающую его знакомство с западными астрологическими бреднями: результаты современных ему научных исследований мало до него прикасались. Существует трое небес: эмпирейское, неподвижное, самое высшее, кристальное, движущееся с неизреченною скоростью и - твердь, разделяющаяся на два пояса, первый - звезд неподвижных, а второй - планет. Планетное небо разделяется на семь кругов или поясов по числу планет, известных тогда: Крон, Дей, Ар, солнце, Афродита, Ермий, луна. Симеон приводит баснословные расстояния от каждой планеты до

другой. От земли до тверди восемьдесят тем миль (т.е. 800000), а от верха земли до эмпирейского неба так далеко, что если ехать туда со скоростью восьмидесяти миль в час, то времени понадобилось бы 50 000 лет. Звезды описываются так: "Веществом чисты, образом круглы, количеством велики, явлением малы, качеством светлы, дольних вещей родительны (имеют влияние на перемены в воздухе). Планеты по местоположению ниже звезд; иногда они ходят по одному пути со звездами, а иногда по противоположному. Самая малейшая звезда в восемьдесят раз больше земли, а следующая по величине звезда превосходит пространство земли в 170 раз. Солнце в 166 раз больше земли; луна же в 30 раз меньше. Всякий час солнце совершает 7160 миль, из которых каждая требует человеческой ходьбы два часа. Земля представляется круглою, черною, тяжелою, холодною; она кентр (центр) всего мира, мрачна и содержит в себе ад. Землетрясение происходит от терзания заключенных в ее недрах духов.

Симеон останавливается с большим вниманием над созданием и грехопадением человека, приводит разные мнения о том, сколько времени пробыл Адам в раю, и более склоняется к тем, которые полагали, что первобытная чета пробыла только три часа и согрешила в шестой час дня, почему и Христос, искупляя человечество от прародительского греха, был распят в шестой час дня. Разбирая вопрос о чадородии, Симеон приходит к такому мнению, что если бы люди не согрешили, то зачинались и рождались бы обыкновенным способом, как теперь, но только с тою разницею, что зачинались бы без необузданной страсти, а рождались без смрада, без болезни. Родители, проживши в земном раю, уступали бы свое место детям, а сами были бы возносимы на небеса, и таким образом умножение человеческого рода восполняло бы число падших ангелов, так как человек для того и был создан, чтоб заместить отпавших от Бога духов. Злые ангелы, возмущившиеся против Бога, не принадлежали к одному какому-нибудь чину, который всею своею корпорацией пал и лишился блаженства: они были увлечены сатаною из разных ангельских чинов, сам же сатана состоял в числе самых высоких и самых близких к Богу духов небесных. В главе о воскресении мертвых автору приходят на мысль самые странные вопросы, например, воскреснут ли мертвые с волосами и ногтями, так как у человека, который их в течение своей жизни обрезывал, могло накопиться их очень много? Этот вопрос разрешается так: воскреснут, но настолько, насколько нужно для украшения плоти. Воскреснут ли кишки? "Воскреснут, - отвечает Симеон, - но будут наполнены не смрадным калом, а преизрядными влагами". Семени в человеке не будет, так как Христос сказал: в воскресении не женятся, не посягают. Но вот еще вопросы. Все тело человека истлело, но все его части должны воскреснуть. Как они в то время соединятся между собою? Могут ли разнovidные части соединиться, например, кость с костью, жилы с кровью? и т.п. "Нет, - отвечает наш мудрец, - только персть одновидных частей может соединиться; то, что было в руке, может очутиться в ноге, ибо это не изменит тождества лица человеческого, но персть разнovidных частей не может быть смешана, и то, что составляло жилы, не может образовать крови, или то, что составляло мясо, не может войти в состав крови или костей, иначе - все равно: если бы кто разрушил серебряный сосуд с золотою крышкою, потом из крышки сделал сосуд, из сосуда крышку; разве мог бы сосуд назван быть прежним сосудом?"

Конец мира возбуждает особенное внимание, и здесь появляются на сцену более всего кстати разные вековые вымыслы религиозной фантазии. Антихрист очень занимает Симеона; автор приводит разные мнения об этом лице; одни признавали его воплощенным дьяволом, другие - человеком, слугою дьявола или, лучше сказать, каким-то полудьяволом, потому что выдумывали рассказы о его чудном происхождении на свет, и при этом дьявол играет важную роль. Симеон думает, что Антихрист будет человек и подобно всем людям, будет иметь у себя ангела-хранителя, но предастся злу, отступит от Бога и ангел-хранитель покинет его. Антихрист - человек с необыкновенными умственными способностями, он будет сведущ, как никто, но вместе с тем он чрезвычайный лицемер и свою могучую духовную силу обратит на пагубу, а не на пользу человеческого рода: он весь зло, хотя по наружности будет казаться образцом всех добродетелей. Ему будет помогать какой-то жрец из христианского полка. Антихрист введет поклонение богу Маозею (божество силы и успеха). У него будут лжепророки и лжеапостолы, которых он разошлет по земле привлекать к своей вере. Антихрист достигнет могущества, он сделается царем; столицей его будет Вавилон. Всяк, кто подчинится ему, получит знамение на челе и на руке, а у кого такого знамения не будет, тот не может ничего ни купить, ни продать. Царствуя в Вавилоне, Антихрист будет вести войны и победит трех царей: египетского, африйского и ефиопского; Аравия ему не покорится. Гог и Магог восстанут, но наш богослов сам подлинно, кажется, не знает, что такое эти Гог и Магог. Он приводит только мнение (наиболее распространенное), что под этими именами понимаются народы заклятые и замкнутые в каспийских горах, но, по другим толкованиям, это названия антихристовых ратных людей: Гог - действующие тайно, а Магог - действующие открыто. Но явятся Энох и Илия и станут проповедывать против Антихриста; проповедь их будет (сообразно апокалипсису) длиться тысячу двести шестьдесят дней. Антихрист убьет их в Иерусалиме. Они воскреснут из мертвых, но вслед за тем постигнет конец и Антихриста. Все царство его продолжится только три с половиною года. После смерти и воскресения Эноха и Илии придется ему сидеть на престоле только пятнадцать дней. Антихрист притворится умершим, потом будто бы воскресшим, взойдет на гору Елеонскую и действием дьявола поднимется на воздух, но архистратиг Михаил поразит его. Через сорок пять дней потом начнется страшный суд.

Загорится земля и будет гореть до половины своей атмосферы; моря не будет, но это не значит, чтоб оно более не существовало: оно не будет только солоно и бурно; явится знамение сына человеческого, вострубят ангелы, воскреснут мертвые.

Наш тайновидец задает вопрос: в какое время дня и в какое время года будет воскресение мертвых, и решает, что это событие произойдет весной в апреле, во время праздника Пасхи, ровно в полночь, тогда, когда и Христос воскрес; некоторые говорят напротив, что это должно последовать утром на заре, как и Христос, по их мнению, воскрес с появлением денницы. Симеон соглашает искусно два эти мнения. Христос воскрес в полночь, но в то время солнце нарочно тремя часами ранее обыкновенного восходило, а потому правы и те, которые говорят о заре и солнечном восходе; в день воскресения всех умерших, вероятно, будет так же, как было в день воскресения Господня. Некоторые

толковали, будто воскресение произойдет так: прежде ангелы соберут в кучу персть добрых, и демоны в другую кучу персть злых, которых они искушали, и Господь воскресит тех и других, но Симеон не доверяет этому: Христос ясно говорит, что отделятся оживленные праведные от неправедных, и, вероятно, по соображениям Симеона, собранием персти и воскресением умерших займутся нарочно для того поставленные ангелы.

Страшный суд будет происходить в Иосафатовой долине близ Иерусалима под Елеонской горою. Но опять представляется вопрос: как же могут поместиться так много воскресших людей на таком малом пространстве. Автор решает и этот вопрос: часть судимых будет стоять на воздухе ярусами одни над другими, а низшие на земле - вот и поместятся. Суд свой Господь будет производить вместе со святыми угодниками, и все воскресшие будут разделяться на четыре разряда: одни будут судить со Христом, другие будут судимы, оправданы и войдут во царствие Божие, третьи будут ввержены в ад, без суда: то язычники, иудеи, мусульмане и вообще не получившие крещения; они беззаконно согрешили, беззаконно и погибли, к ним отнесены будут и некрещенные дети. Четвертый разряд - грешники, осужденные за их деяния праведным судом в геенну огненную на вечную муку. Страшный суд будет продолжаться три часа с шестого часа дня до девятого, в те часы, когда Христос висел на кресте.

Солнце перестанет двигаться; земля обновится, станет прозрачна, как стекло; она уже не будет производить ни зверей, ни деревьев, она будет испещрена цветами, но эти цветы следует принимать не в буквальном смысле, а в духовном.

Кроме этого пространного сочинения о вере, Симеон Ситиянович написал еще: "Книги кратких вопросов и ответов катихистических" ¹³. Это катихизис, расположенный в таком порядке: сперва излагается символ веры; здесь отчасти сокращение Венца с затейливыми вопросами; далее следует о Молитве Господней, о поклонении Деве Марии, о евангельских блаженствах, о трех богословских добродетелях; затем следует десять заповедей, потом - о таинствах (о евхаристии говорится относительно времени пресуществления то, что признано несогласным с учением православной церкви), затем - примеры вопросов, какие могут задавать исповедующие священники, применяясь к случаям, встречавшимся в то время в обыденной жизни, и подводя их под ту или другую из заповедей Божьих. Вопросы и ответы очень коротки.

Это сочинение, в свое время напечатанное, по смерти автора подверглось осуждению церковной власти, а для нас оно составляет один из любопытных памятников XVII века как по тем случаям житейским, которые вспоминаются в качестве черт общества, среди которого жил автор, так и по взглядам, господствовавшим тогда между людьми книжными. По поводу первой заповеди автор касается замеченного им у русских неправильного мнения, будто всякий человек может спастись по своей вере, лишь бы он был добр и не делал зла своим ближним. "Это грех зело тяжкий, - говорит автор, и зело част есть не только между невеждами, но и между теми, которые считаются знающими (иже вежды водятся быти): никто не может спастись вне соборной православной кафолической единой церкви". Добродушная натура невежественного русского человека по своему свойству менее, чем чья-нибудь, была склонна к

нетерпимости, нужно было грамотное невежество, чтобы возбуждать в нем фанатизм. Затем автор сделал замечание также о признаке своего времени, о чтении Св. Писания; возникшая борьба между церковью и расколом распространяла грамотность пуше школы: вкус к чтению и толкам о религиозных предметах стал входить в народ, и вот Симеон, который в других своих произведениях так горячо говорит о необходимости заведения училищ - здесь хотя и признает полезным чтение Св. Писания, но позволяет его только тем, которые имеют грамматическое знание, и притом с тем, чтоб они не отваживались сами излагать библейские места по-своему, а спрашивали бы об этом у лиц, более их сведущих; но он запрещает читать Библию невеждам и замечает, что, к его сожалению, невежды-то более всего бросаются на чтения такого рода, хотят быть учителями, высоко думают о своем собственном уме и стыдятся испрашивать советов у других. Наконец, по поводу первой заповеди, Симеон говорит о разных суевериях, которые представляются также грехом, оскорбляющим веру в Бога. Русские держали у себя и носили на себе разные записки, как врачевство против горячки и разных болезней или же как предохранительное средство против уязвлений. Дозволительно ли (задаются вопросы) через решето хотеть узнать тая похищенной вещи? Можно ли снам верить? Первое называется дьявольским, второе суетнейшим делом. Называется суеверием господствовавший обычай по встречам с людьми и с животными гадать о счастии или несчастии, об успехе или неуспехе в предприятии. Осуждаются всякие волхования, как то: по церковному ключу, по псалтири. Мы узнаем, что русские современники Симеона для отыскания воров и похищенных ими предметов давали есть сыр, на котором чертили *незнаемые* (тарабарские) словеса, в день усекновения главы Иоанна Предтечи искали зелья, сообщающего большую телесную силу: все это признается грехом. Меньшим грехом считает Симеон, если кто, например, по невежеству отдает почтение одинаким церковным вещам пред другими, сообразно их цвету, величине, помещению, напр., говорят: пусть чтутся такие-то молитвы, а не другие, пусть будут такой величины свечи, а не более, воск будет пусть белый, а не желтый и т. п. Проходя вторую заповедь, катихизатор заметил, что невежды поклоняются иконам в большей степени, чем такое поклонение предписано церковью (невежды не возводят ума своего на первообразное), однако не вменяет им этого в грех идолопоклонства, надеясь, что так как они составляют часть церкви, то честь, творимая ими неправильно, делается правильно (возводится к первообразному) через общее церковное намерение. По поводу третьей заповеди автор коснулся русского обычая божиться и клясться, который, по его замечанию, был особенно распространен у купцов, говоривших, что им если не побожиться, то не продать, нападает также на привычки русских произносить такие поговорки: "Чтоб меня черт взял, коли я не говорю правду", или "Это истина как Бог!" "Ни с кем нельзя равнять Бога", - говорит Симеон.

Касаясь четвертой заповеди, автор обличает недостойное препровождение времени в праздничные дни, господствовавшее в его время во всех слоях русского общества. "Люди благороднейшие целые дни тратят на ловление (охоту). Их жены и девицы употребляют все утро на суетное украшение своего тела. Ремесленники проводят праздничные дни в пьянстве ¹⁴". Особенно негодует Симеон на хороводы, обычное праздничное препровождение времени у простого народа. "От демона или от змия приняли начало эти ликования, ибо он

привык вертеться кругом (яко же он круговождение обыче творити)". Симеон не одобряет даже тех, которые проводят праздничные дни в чтении и "словоположении" (беседах), нападает на господ, которые заставляют своих рабов в праздник работать: это грех смертный; менее грешат те, которые, как вошло в обычай, ходят в лес собирать орехи, грибы, ягоды, но все-таки грешат. Впрочем, автор позволяет и в праздничный день работу в случае крайней нужды: напр., соби́рание плодов, когда дожди или другие воздушные перемены требуют поспешности, заклание животных и торг съестными припасами, когда случатся сряду несколько праздников, но он дозволяет такое занятие в праздник не долее трех часов.

Наибольшее число случаев приводится у Симеона по восьмой заповеди. "Против этой заповеди, - говорит он, - грешат у нас все: и большие, и малые, и убогие, и богатые. Грешат князи, отягощающие неправедно низший народ различными даяниями, грешат правители, которые дурно распоряжаются народным достоянием и обращают в свою корысть; грешат начальники, которые бывают обыкновенно хищники и народные кровопийцы; грешат судьи и "законословцы", искажающие смысл закона и часто требующие неправедной "мзды"". Далее катехизатор переходит к людям, посвятившим себя низшего рода занятиям, и нападает прежде всего на купцов, как они расхваливают продаваемые вещи, скрывая их дурные свойства, как иногда их приятели притворно покупают товары, чтобы поднять цену и заставить настоящего покупателя заплатить дороже, как на торжищах умышленно хулят товар, для того чтобы отбить других от покупки, а самим или своим родичам купить подешевле и т. п. Грешат против восьмой заповеди и ремесленники, обманчиво исполняющие свои работы, грешат стяжатели земли, плутовски захватывающие пределы нив, грешат, наконец, толпы нищих, которые тогда особенно промышляли кражею.

Проповеди Симеона Ситияновича изданы в двух огромных книгах in folio. В одной из них, под названием "Обед Духовный", помещены поучения на все воскресные дни года и на переходящие праздники, а в другом "Вечера Духовная" - поучения на праздники непереходящие, господские, богородичные, дни некоторых святых, особенно чтимых, а также поучения на разные случаи. Проповеди Симеона проникнуты схоластическим пустословием сообразно риторическим требованиям своего времени ¹⁵. Он приводит нередко древних авторов, сообщает из них анекдоты (как напр. о Мидасе фригийском, о Фаэтоне и т. п.), черпает без разбора сведения, как из Св. отцов церкви, так из апокрифических сочинений. Симеон очень любит сравнения, но не многие у него удачны ¹⁶. Симеон сильно старается сделать свои проповеди живыми и поэтическими, а они наперекор ему отзываются сухостью; автор мало обладал способностью творить образы и в этом отношении стоит ниже Галятовского. Зато едва ли кто из его современников держался в своих проповедях более нравственно-поучительного направления и притом не в одних только общих чертах. Симеон в своих проповедях, как и в своем катехизисе, заглядывал в подробности и особенности современной ему жизни.

Подобно Епифанию Славинецкому, Симеон сознавал и необходимость книжного просвещения в московской земле. В одной из своих проповедей на Рождество Христово, он от лица вселенских патриархов, съехавшихся тогда в

Москву, обращается к царю с молением взыскать премудрость, заводить училища греческие, славянские и другие, умножать спудеов (учащихся), отыскивать благоискусных учителей и всех "честьями поощрять на трудолюбие". Как монах, он выше всех знаний ставит богословие; он помнит известное выражение апостола Павла, в котором многие видели роковой приговор всякой науке: "Премудрость людская - буйство (глупость) есть у Бога". Но Симеон хочет дать этому выражению примиряющий смысл: "Следует знать, - говорит он, - что этими словами не охуждаются свободные искусства: грамматика, риторика, философия и пр., они очень полезны в гражданском быту и споспешествуют духовной премудрости; здесь охуждается непокорство божьим словам естественного разума, изощренного хитростью этих искусств; если кто, опираясь на естественные причины, не хочет повиноваться божьему слову - вот мудрость мира сего! - вот буйство перед Богом! Величайшее заблуждение пытаться измерять мерою человеческого разума божественное, слишком превосходящее ум человеческий. Как может сова рассуждать о солнечном свете, когда этот свет превосходит силу ее зрения?" Потребность школьного учения в значительной степени возбуждалась в Симеоне явлением раскола, который он также громит в своих поучениях. Он хотел, чтобы люди правильно рассуждали о предметах веры, а раскол являл пример - чего можно ждать, если возьмутся за эти предметы круглые невежды. "Многие еретики, - говорит он, - потонули в глубине Священного Писания от неискусного плаванья; и наши нынешние лжемудрецы, неискусные в плаваньи, дерзко ворвались в пучину писаний, думая добывать оттуда жемчуг премудрости... Лучше было бы им стоять на берегу и помалу утолять жажду этой животворной водою... Нет, захотели они славы мира сего и, словно слепцы, пустились рассуждать о шарах, которых никогда не видали. Ныне у нас многие хотят именоваться учителями Св. Писания, а не учениками. Других учат тому, чему сами никогда не учились. В мирских науках этого не бывает: там прежде сами учатся, а потом других учат; только Священное Писание таково, что все себе приписывают право учения, и как только человек что-нибудь складно скажет, другие думают, что это божий закон. Что у нас делается: о богословии разглагольствуют и взрослые, и отроки; и в лесах дикие люди беседуют, и на торжищах скотопродавцы, и в корчмах пьяные, и „буяя женища“ (глупое бабье) *словопрение бьют безумное*, наперекор мужьям своим и церкви. Конечно, чтение Св. Писания полезно всякому: и мужчине, и женщине. Но оно прилично только тому, у кого есть ключ разумения, а на это дает право одно учение". Мысль о воспитании юношества сильно его занимала, и он много раз возвращается к ней в своих проповедях. Качества родителей, по его мнению, не переходят на детей по крови, все зависит от первых укоренившихся привычек: "Но отчего, - задает он себе вопрос, - у несомненно добрых и честных родителей бывают дурные дети?" Симеон приписывает это явление излишеству родительской любви, иначе, говоря нашим языком, баловству: "Если добрые родители не дают своим чадам подобающего наказания, а пускают их вести себя по воле их юности, если не оскорбляют их словом увещания, не налагают на них язв, то от благих родителей произойдет злой плод!" В другой проповеди (неделя расслабленного) Симеон раздражается чрезвычайно суровым наставлением и грозит лишением царства Божья тем родителям, которые не возлагают ран на плечи злонравных детей своих: "Кто довольствуется одним словесным увещанием, тот неприятен Богу. Не шадите,

родители, жезлов ваших, угощайте детей ваших не душевредным лобзанием, а нравоисправительным биением".

Такая суровость в понятиях о воспитании соответствует строго монашескому взгляду, который отражается у Симеона и относительно других явлений жизни. Требуя любви между людьми, он, однако, боится, чтобы любовь эта не была мягкая, не основывалась на приятных беседах, на совместном ядении и питии, на участии в развлечениях (егда собираются на игралища и баснословия). Монашеский аскетизм - для него высший образец нравственного совершенства; женского сообщества надобно избегать, "пол женск - тля... Одно зрение на женщину заражает человека ядом аспида". В одной проповеди (на 27 неделю по пятидесятнице) он сравнивает грешную душу с женщиной: "Как у женщины, - говорит он, - тонкий голос, так и у грешной души голос тонкий и скудный к хвалению Бога. Жена скороглаголива, коснодвижима, скорогневлива, завистлива, нелюботрудна, малонадежна - такова и грешная душа!" Он не смеет не уважать супружеского союза, но, вспомнивши евангельскую притчу о том, который не пошел на званный пир, потому что только что женился, говорит (на 28 неделю по пятидесятнице): "Видите, не только беззаконное, но и законное сочетание иногда отклоняет нас от Бога излишеством любви к жене... Кто паче меры ревнитель жене, тот блудник; видите ли - и законные супруги иногда блудодействуют!.." Симеон нападает на пристрастие к богатству, замечает, что страсть к обогащению ведет к жестокосердию и к лени, однако боится слишком нападать на богачей, среди которых ему приходилось обращаться, и потому вместе с тем он оправдывает богатство, так как оно доставляет возможность давать милостыню. Пост, которому давало такое важное значение благочестие русских, вызвал также обличения Симеона (Поучения в нед. сыр.): "У нас, - говорит он, - многие господа во время поста ходят печальные, мрачные, а между тем в домах своих делают особенно злыми: тогда то у них прямое кажется кривым, сладкое горьким, жена опротивеет, дети им досаждают, слуги станут негодными и без вины виноватыми. В пост они постятся, а перед постом и разговляясь, безмерно наедаются". Он напоминает, что прежде всего нужно поститься от дурных дел ¹⁷, вооружается также против лицемерного смирения, которое особенно часто встречалось в приемах знатных лиц при набожном Алексее Михайловиче. "Мы, - говорит он, - беспрестанно слышим, как иные сами называют себя грешниками, блудниками, а если кто другой в чем-нибудь обличит их, то кричат, что это неправда, а иногда и дланью согбенной уста заградят". Подробнее всего распространяется Симеон против пороков своего века в тех проповедях, которые писаны не по поводу праздников и составляют особое приложение к "Вечере Духовной". Из них более всех замечательны "Поучения к иереям" и "Поучения против суеверий". Симеон соблазняется разными народными играми, в которых видит остатки древнего язычества и идолопоклонения: таковы скакание через огонь и качели, называемые в то время "рели" - повсеместная народная праздничная забава по городам и селам. Симеон с презрением называет их виселицами и говорит, что в языческие времена, кто падал с качель и убивался, тот считался принесенным в жертву богу, т. е. бесу. И теперь, по мнению проповедника, эта потеха была совершаема в честь бесам. Его возмущали суеверные способы врачевания, как, напр., ношение детей в баню и мазание их грязью с разными причитаниями, с целью предохранить от дурного глаза, ношение наузов (узлов), записок с заговорами, струтионовых

костей (?), шептания, духовения, напевания, произнесения непонятных слов и т.п. "Христос изгоняется, а баба пустословная вводится, - говорит Симеон, - тайна св. крещения попирается, дьявол ликует". Он вооружается против гаданий, примет, против народной веры в предвещательное значение встреч волка, кривого или косоного человека, монаха, женщины и пр. "Случится, - говорит Симеон, - человеку, обуваясь, кашлянуть или, выходя из дому, споткнуться, он возвращается и не делает своего дела. Съедят ли мыши платье, суевер боится грядущей беды и заранее оплакивает свою судьбу, не жалея действительного убытка, причиненного ему мышами. Идут двое друзей - на пути встретят камень, пса или ребенка и думают, что эти предметы расстроят их дружбу, топчат камень, колотят пса, бьют по щеке ребенка... Подобных суеверий тысячи", - замечает Симеон. К ним причисляет он легковерное признание истинными всяких чудес, которые тогда беспрестанно появлялись и обыкновенно оказывались ложными, вооружается против появления ложных мошей и т.п.

В проповедях Симеона ощутительно подражание Славинецкому, по крайней мере там, где оба проповедника касались одного и того же предмета, как напр. заведения училищ и обличений раскола: есть одинаковые сравнения, одинаковые выражения. Если Симеон и не списывал с того, что говорил Славинецкий, то, должно быть, находился под его влиянием.

Стихотворные произведения Симеона Ситиановича писаны силлабическими рифмованными стихами и лишены поэтического достоинства. Можно сказать, что к этому роду литературы Симеон меньше имел природных самобытных дарований, чем к проповедничеству и богословствованию. Важнейшее из его стихотворных сочинений - перевод Псалтыря. Мысль к этому подал Симеону пример польского поэта Яна Кохановского, что, разумеется, умаляло значение труда Симеона в глазах строгих московских ревнителей православия. Псалтырь Симеона, как известно, был, однако, любимым чтением Ломоносова ¹⁸ и не остался без значения в нашей словесности. Кроме Псалтыря Симеон написал: "Вертоград многоценный" - собрание мест Св. Писания и разных описаний, отвлеченных понятий и качеств, "Рифмологион" - собрание разных стихотворений, писанных на торжественные случаи (в том числе высокопарное восхваление России - "Орел Российский в солнце представленный"). По смерти царя Алексея Михайловича Симеон написал "Глас" - разговор умершего Алексея Михайловича с Богом и своим наследником. Им потом сложена была "Гусли доброголасная" - поздравление Федору Алексеевичу со вступлением на престол и пр. Из произведений, имеющих притязание на поэзию, заслуживают внимание, - если не по внутреннему достоинству, то по значению для своего века, - драматические сочинения Симеона. Таковы комедии: "О блудном сыне", "О Навуходопосоре царе", "О теле злате и трех отроцех в печи сожженных".

Комедия "О блудном сыне" имеет пролог; затем она разделяется на шесть частей и кончается эпилогом. В восемнадцати стихах пролога объявляется предмет пьесы; слушатели приглашаются ко вниманию и обнадеживаются получить велию пользу. Части пьесы - то же что сцены или явления.

В первой части отец говорит двум сыновьям своим, что по божьей благодати у него много богатства, серебра, золота, рабов, красная палата; все он вручает

своим детям и дает им приличное нравоучение. Старший сын по природе домосед, он желает остаться жить с отцом и служить ему; тронутый этим, отец дает ему благословение; но меньшего томит тесная домашняя жизнь; он предоставляет брату изживать лета красной юности при отеческой старости; у него на уме другое: он ищет славы ¹⁹, свободы ²⁰, знаний ²¹. Отец хотя скорбит о таких наклонностях сына, но не хочет удерживать его, приказывает рабам приготовить возы и коней, дать сыну в дорогу одежд, серебра, золота; велит оседлать турецких коней и благословляет сына в путь.

Во второй части блудный сын в чужой стране со слугами. Он богат, на свободе; он вырвался из отеческого дома, как птенец из клетки ²², и приказывает привести к нему поболее таких слуг, которые бы с ним ели, пили и тешили его пением. Приводят к нему такого рода слуг. Блудный сын приказывает дать им по сто рублей; одного из них сажает с собою играть в зернь (кости), других заставляет играть между собою в карты и тавлеи (шашки), обещая платить за того, кто проигрывает, и, сверх того, награждать выигравшего ²³. Подобные забавы, вероятно, на самом деле позволяли себе тогдашние богачи-кутилы, которые, при скудости развлечений, со скуки заставляли своих служителей тешить себя. Начинается на сцене игра. Зерщик, игравший с блудным сыном, обыграл его; блудный сын, сверх выигрыша, дарит ему сто рублей. В заключение блудный сын напивается и идет спать, пошатываясь; слуги ведут его на постель.

В третьей части блудный сын, после вчерашней игры и пьянства, на похмелье, жалуется на головную боль. Слуга советует ему выпить. Другой слуга советует призвать "сладкоигрателей и певцов". Начинается музыка и песни. Здесь, в пьесе, можно было, по желанию, включать какую угодно музыку и песни; это разнообразило самую пьесу. По окончании игры и песен, блудный сын приказывает заплатить слугам, но слуга-казначей объявляет, что вся сокровищница господина истощилась и едва у него остается столько, чтобы купить утром хлеба. "Не скорби, - отвечает ему блудный сын, - мои слуги дадут мне взаймы". Но слуги, один за другим, отступаются от него, смеются над ним ²⁴, наконец, расхищают остатки его имущества за недоплату обещанного жалованья и говорят, что еще делают ему милость, оставляя его в живых. Блудный сын в отчаянии плачет.

Поразительна скудость поэтического вымысла у автора. Он не мог изобрести никаких искушений, доведших блудного сына до печальной нищеты, как только заставить его напиться и проиграться с нанятыми слугами.

В четвертой части блудный сын без крова, без помощи, никем неизвестный на чужой стороне, терпит голод, у него осталась последняя одежда, - то было единственное средство еще хоть на раз иметь кусок хлеба. Встречается купчик, спрашивает юношу: что за беда ему? "Вчера был богат, - отвечает юноша, - сегодня погибаю от голода". - "У меня есть хлеб, - говорит купчик, - я продам. Отдай мне за хлеб свое платье, а я тебе на придачу свое отдам!" Блудный сын соглашается. Купчик оказывает ему еще одну услугу. Идет богатый человек; купчик рекомендует ему несчастного юношу. Господин берет блудного сына к себе на работу, но, посмотревши на его руки, находит их слишком мягкими для

тяжелой работы и говорит, что такому неженке всего приличнее поручить пасти свиней; с этой целью господин передает блудного сына своему приказчику ²⁵.

Свинопасы гонят поросят; приказчик велит им делать свое дело, а сам удаляется. Тогда один пастух приказывает блудному сыну принести корыто с рожками и поставить перед свиньями; блудный сын, томясь голодом, сам начинает есть рожки; свиньи подбегают к корыту; блудный сын ударил одну свинью; пастухи подняли шум. Явился приказчик: пастух доносит, что новый их товарищ не друг, а враг свиней, ест у них рожки, обижает свиней, бьет их, разогнал свиней. Приказчик велит бить нового пастуха плетью; за сценой раздаётся его жалобный крик; потом его приводят на сцену избитого; приказывают отыскать разбежавшихся свиней и грозят убить до смерти, если он их не найдет. Все удаляются; блудный сын остается один, говорит монолог, составляющий распространение известных слов, произносимых блудным сыном в евангельской притче.

В пятой части отец грустит о сыне, не зная, где он и что с ним, как вдруг являются один за другим вестники, извещают, что сын приближается к его дому, но в нищенском виде. Входит сын. Повторяется евангельская сцена прощения в распространенном виде. Отец с сыном уходят, играют органы и пр., на сцене поют. Здесь опять предоставлено на непродолжительное время вставить по желанию музыку и песню. Является старший брат. Разговор его с отцом не более как распространение евангельской притчи.

В шестой части блудный сын, разодетый уже как следует, рассказывает свою историю и благодарит Бога. Затем следует эпилог, где излагается нравоучительная цель - представления этой притчи ²⁶, а в заключение говорится, что никого не хотели огорчить и на всякий случай просят прощения. Пьеса кончается музыкою.

Комедия "О Навуходоносоре царе" не разделяется на части. Начало ее называется "предисловие", он состоит из обращения к царю Алексею Михайловичу. Восхваляются добродетели царя, а в противоположность им делается указание на неверие и гордость Навуходоносора, объявившего себя богом и повелевшего бросить трех отроков в печь за непослушание. Затем объявляется, что это событие явится "комедийно" перед царем и боярами ²⁷.

Навуходоносор со своими боярами, с шестью слугами и шестью вооруженными воинами выходит на сцену, садится на царское место, величает собственное могущество, называет себя богом богов и приказывает казначею выдать золото на изготовление его статуи, которой, по его повелению, должны поклоняться все народы. Казначей уходит исполнять царское приказание, а царь повелевает другому боярину, Зардану, устроить близ статуи печь, в которую должен быть брошен всякий, кто не захочет поклоняться царскому изображению. В глубине сцены две завесы. Пока за ними готовят статую и печь, царь приказывает позвать музыкантов, - нужно чем-нибудь наполнить пьесу. Автор оставляет здесь место для так называемых "ликовствований" ("здесь будут ликовствования"). Публику занимали ими сколько угодно и как угодно.

Затем поднимается одна завеса, показывается статуя, поднимается другая завеса - показывается печь. Боярин Амир докладывает царю, что уже все люди стоят на поле Деире. Царь обращается к "гудцам" и приказывает играть. Начинают "трубить и пискать". Все люди падают ниц, но три отрока не кланяются; Амир велит их изловить. Затем представляется то, что рассказано у Даниила пророка. Разъяренный царь требует поклонения, и отроки не повинуются, их бросают в печь. Является ангел, отроки поют свою песнь теми словами, как в библии. Царь, видя такое чудо, раскаивается, поклоняется истинному Богу и приказывает почитать уцелевших отроков. Комедия кончается эпилогом, с обращением к царю - с благодарностью за выслушание действия ²⁸. В заключение, желают царю мирного царствования, побед, многолетия и небесного венца.

Значение Симеона Ситияновича в русской истории, помимо его ученых трудов, имеет важность тем, что с его именем соединяется зародыш московской духовной Академии - первого высшего учебного заведения в северной Руси. Ему приписывают составление проекта, или "привилегии", на основание духовной Академии; этот проект был написан при царе Федоре Алексеевиче от царского имени; но осуществиться ему было суждено уже по смерти царя ²⁹.

В этом проекте государь, - вспоминая благословение, данное святейшими патриархами восточными, бывшими в Москве при отце его Алексее Михайловиче, на заведение училищ, - соизволяет на заведение Академии, в которой преподаваться должны науки гражданские и духовные, начиная "от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной даже до богословии, учащей вещей божественных". Место для новой Академии отводилось в монастыре Заиконо-спасском в Китай-городе, и на содержание ее приписывалось несколько монастырей ³⁰ и пустынь. Кроме того, не возбранялось частным благодетелям давать пожертвования на пропитание и на одежду учеников. Начальник заведения должен был называться "блюстителем". Как блюститель, так и учителя должны быть из православных русских или же греков, но греки допускались не иначе, как по свидетельству о своей непоколебимости в православии, подписанному вселенскими патриархами. Ученых из Малороссии и Литвы дозволялось допускать в звание блюстителя и учителей не иначе, как с большой осторожностью, сделавши о них строгое исследование, а отнюдь не доверять их словесным и письменным удостоверениям. Новообращенных из других вер в православную полагалось вовсе не допускать в эти звания. Лица, вступавшие в должности блюстителя и учителя, должны были приносить присягу в том, что они неизменно пребудут в православной вере. Все, принадлежавшие к Академии, как блюститель с учителями, так и ученики, получали изъятие от обычного для всех суда в приказах. Учеников во всех делах, исключая уголовных, судил блюститель с учителями и даже по уголовным делам нельзя было их требовать в приказ без ведома блюстителя. Блюститель и учителя во всех делах были судимы собственным судом, в присутствии уполномоченных от царя и патриарха. Учителя без разрешения блюстителя и своих товарищей не могли переходить в другую службу, а после долгой службы в Академии они награждались особым жалованьем. Лучшим ученикам обещана по окончании курса от царя награда, а для поощрения обещано "неучившихся свободным учениям лиц", кроме только "благородных детей", не возводить в значительные должности. Затем, кроме

новозаводимого училища в Москве, никому не позволялось, без ведома блюстителя и учителей, держать в своих домах домашних наставников для обучения греческому, латинскому, польскому и другим иностранным языкам.

Учреждаемая Академия не была, однако, одним только учебным заведением. По проекту, она долженствовала быть чем-то вроде инквизиции или тайной полиции по религиозным делам. Блюстители и учителя должны были наблюдать, чтобы не являлись неправомудствующие в вере, не заводили распрей и раздоров, а если такие люди явятся, то доносить о них царю. Царь с совета патриарха, по одному только свидетельству блюстителя и учителей, не принимая никаких "словес и рассуждений", обещал судить обвиненных без всякого помилования. Равным образом, блюститель и учителя наблюдали, чтобы никто не держал у себя польских и латинских, лютерских, кальвинских, еретических книг, а также волшебных, чародейных, гадательных и всех вообще возбраняемых церковью писаний. По доносу, сделанному блюстителем и учителями, виновный подвергался сожжению без всякого милосердия. В числе возбраняемых церковью учений, особенно боялись так называемой "естественной магии". Блюститель и учителя должны были наблюдать, чтобы где-нибудь не проявились преподаватели этой науки, и, по их доносу, такие преподаватели, вместе со своими слушателями, предавались сожжению. Все переходящие из других вер в православную состояли под надзором блюстителя с учителями и записывались в особые книги. Стоило только донести на них, что они не вполне хранят православную веру и церковные предания-их ссылали на Терек или в Сибирь, а если бы оказывалось, что они держатся своей старой веры, из которой перешли в православие, то они осуждались на сожжение. Равным образом, чужеземцы, пришедшие из других государств, будучи прежде православной веры, за принятие в России какой-нибудь другой веры осуждались на сожжение. Если кто из русских или чужеземцев произнесет какое-нибудь укоризненное слово против православной веры или церковных преданий или, напр., скажет что-нибудь против призывания святых, поклонения иконам, почитания мощей, тот предавался суду блюстителя и учителей и осуждался на сожжение. Наконец, все иностранцы иных вер, приезжавшие в Россию, так называемые тогда "ученые свободных наук люди", состояли под надзором блюстителя и учителей Академии, подвергались их испытанию, получали от них свидетельство на право свободно проживать, поступать на службу, получать царское жалованье, достигать почестей; и если блюститель с учителями находили их негодными пребывать в России, то их высылали за границу. Таков был проект первого высшего училища в Московском государстве, такова была заря ученого образования, которое грозило худшим мраком, чем прежнее невежество.

Симеон Петровский-Ситиянович скончался 25 августа 1680 года на пятьдесят втором году от рождения и погребен в Заиконо-спасском монастыре. Если при жизни он пользовался царскою милостью и почетом, то вскоре после смерти имя его подверглось гонению. Вопрос, касавшийся его личности и сочинений, был вместе вопросом о судьбе и значении западнорусских, преимущественно киевских ученых в Москве, а вместе с ними шло дело и о принесенной ими с собою науке. Как ни слабыми могут нам теперь казаться их научные средства, но в московской Руси и они произвели потрясение. Уже важно то, что

богослужебная реформа была делом тесно связанным с их прибытием; но не одна она востала против них целую массу народа, отпавшего от церкви в недрах православной церкви, принявшей сделанные трудом этих пришельцев исправления; многие их не любили. Их знания, их ученость отзывались чем-то чуждым, не истинно православным, и притом явное превосходство их сведений задевало гордость московских книжных людей: тайное нерасположение гнезилось в сердце многих, и сам патриарх Иоаким, живший долго в Киеве и вообще знавший малороссийских ученых на их родине, относился к ним недружелюбно. В Москве возникла такая мысль: уж если, по недостатку ученых великоруссов, заменять их иноземцами, то лучше приглашать греков, чем киевлян. Беспрестанные смуты и измены и без того бросали в глазах великоруссов дурную тень на малороссиян вообще: их привыкли считать народом двоедушным, непостоянным и ненадежным. Такой взгляд невольно переносился и на прибывавших в Москву ученых. При Алексее, а еще больше при Федоре, они пользовались поддержкою царей, но после смерти Федора они лишились ее, когда в церковных делах стал их недруг Иоаким. Нужен был с их стороны какой-нибудь повод к явному обличению их в неправославии, чтобы поднялась против них буря.

У Симеона был между учениками Семен Медведев, подъячий приказа тайных дел. Это был человек от природы способный и горячий. Жизнь с книгами увлекала его. Он постригся в монахи и по смерти Симеона Ситиановича получил важное в то время место в Заиконо-спасском монастыре. Оно было особенно важно потому, что, как мы говорили, существовало уже предположение основать Академию и поместить ее в Заиконо-спасском монастыре. Семен Медведев, получивший в монашестве имя Сильвестра, во всем верный своему учителю, подобно ему выказывался при дворе своим умением стиходействовать. Когда царь Федор женился на Апраксиной, Медведев явился с брачным приветствием (напеч. 1682), а когда, скоро после того, царь отошел в вечность, Сильвестр написал "Плач и утешение" - длинное стихосплетение, состоящее из многих "плачей" и многих соответствующих им утешений. Начал прежде всего плакать сугубоглавый орел российский, за плачем следует двенадцать стихов утешения орлу, затем воин - тот воин, который начертан в российском орле, излил двадцать стихов плача; за это воину следует шестнадцать стихов утешения; за воином уже следует плач царицы; ей огромное утешение в сорок восемь виршей; за царицею заплакали царевны, но они плачут немного, им не каждой особо, а разом всем одно длинное утешение; затем плачут все России одна за другою. Великая, Малая, Белая, каждая плачет особо и каждой особое свое утешение.

Сильвестру очень хотелось быть начальником новой Академии. Но патриарх Иоаким, не терпевший Симеона Ситиановича, недолго любил и ученика его Сильвестра. Патриарх уже отправил Прокопия Возницына в Турцию искать просветителей российского юношества между греками, более, по его мнению, надежными, чем были малоруссы и их питомцы.

В Константинополе в 1683 году патриарх Дионисий указал русскому посланцу на двух ученых греков, братьев, которые были, по убеждению патриарха, способны положить основание школьному просвещению в Московском

государстве. Случайно повторялось древнее событие IX века: подобным образом константинопольский патриарх указал на двух братьев, греков солунских, способных ввести между славянами крещение и с ним вместе книжную грамотность. Братья, на которых указал тогда патриарх Дионисий, назывались Лихудами. Если верить показаниям их самих, они происходили из очень древнего, знатного рода: предок их, по имени Константин, в XI веке был зятем императора Константина Мономаха; тесть хотел сделать его даже своим преемником. Но тогда счастливее повезло Комненам, чем Лихудам. Лихуды, не получивши престола, продолжали быть знатным родом византийской империи. В 1453 году Лихуды, не желая подчиняться неверным завоевателям, ушли и поселились в Кефалонии. На этом-то острове родились и упомянутые два брата: старший (род. в 1633 г.) назывался Иоанн, второй (девятнадцатью годами моложе брата) Спиридон. По обычаю, которому тогда следовали многие богатые греки, Лихуды после первого образования, полученного на родине от священника, учились в Венеции, потом в Падуе и пробыли долго в Италии. Иоанн, по возвращении на родину, был посвящен в сан иерейский; Спиридон почувствовал склонность к монашеской жизни и постригся под именем Софрония. За ним вскоре овдовел старший брат его и также постригся под именем Иоанникия, оставивши миру двух сыновей.

Старший брат получил важное место начальника школ, в двух городах, меньшей в одном, временно удаляясь из родного острова. Если верить им, они имели огромную власть и значение. В 1683 году они отправились в Константинополь, как видно, показать перед патриархом свои знания. Патриарх заставлял их говорить поучения. В это-то время он представил их русскому посланцу.

В июле 1683 года они отправились в Россию; они были на пути задержаны в Польше. Король Ян Собеский принял их отлично, но иезуиты, смекнувши, что эти греки готовятся быть водворителями книжного высшего воспитания в той Московии, куда сами иезуиты так напрасно хотели пробраться под тем же предлогом, упросили короля задержать Лихудов под какими-нибудь благовидными предложениями. Кажется, иезуитам хотелось попытаться склонить ученых греков на свою сторону. Король возил Лихудов с собой в поход против турок и заставлял их вести диспуты с иезуитами. Когда наконец братьям Лихудам надоело это праздное препровождение времени, они тайно ушли из Польши, добрались до Киева, оттуда прибыли к гетману Самойловичу и, при содействии последнего, благополучно явились в Москву 6 марта 1685 года. Приезд этих ученых иноземцев был не по сердцу Сильвестру Медведеву. В конце того же года он подал царевне Софии тот самый составленный при Федоре Алексеевиче проект, или привилегию, на основание Академии, о содержании которого мы изложили выше. Надежды Сильвестра не сбывались. София была благосклонна к Сильвестру; но глава духовенства не променял бы Лихудов на десяток учеников Ситиановича. Лихудов поместили в Богоявленский монастырь. Там Лихуды тотчас открыли школу, им дали учеников; вслед за тем на деньги, две тысячи рублей, пожертвованные одним греком Мелетием, начали строить большое здание для Академии в Заиконоспасском монастыре; могучий тогда любимец царевны Софии, Василий Голицын, давал на это дело пожертвования. В 1686 году, по окончании постройки здания, Лихуды перешли в Заиконоспасский монастырь. Так

открылась московская духовная Академия, названная греко-латино-славянскою. Кроме прежних учеников, которые поступили к Лихудам с самого их приезда, в Академию были переведены все ученики прежней типографской школы и, сверх того, по царскому повелению, поручено Лихудам учить "до сорока детей знатных родов, а затем немало из детей всяких чинов" поступало к ним. Больших успехов можно было на будущее время ожидать от преподавания новопривывших наставников: ученики чрезвычайно скоро научались объясняться по-гречески и по-латыни.

Теперь уже киевляне и их ученики должны были ожидать, что ученые греки не только подорвут их вес и значение в Москве, но и постараются представить неправославным их воспитание, опиравшееся более на латинских книгах, чем на греческих. Уже один из западнорусских пришельцев, Бялободский, написавший сочинение о безразличии церквей, в присутствии обоих царей Ивана и Петра, держал диспут с Лихудами и потерпел поражение. Вслед за тем Сильвестр Медведев, ненавидевший приезжих греков за то, что ему через них не удалось быть начальником Академии, вздумал обвинить Лихудов в неправославии. Были у Сильвестра друзья и сообщники и между ними окольный Шакловитый, находившийся в милости у царевны Софии. Медведев написал книгу под названием "Манна"; в ней доказывалось, что в таинстве евхаристии хлеб и вино претворяются в тело и кровь в момент произнесения священником слов Христа: "Приимите и ядите..." Лихуды отвечали на это сочинение опровержением, которое названо "Акось, или врачевание, противопоставляемое ядовитым угрызениям змиевым". В этом сочинении, написанном с большою ученостью, Лихуды доказывали, что, по учению православной церкви, одного произнесения Христовых слов недостаточно для такого великого действия, и Св. Дары прилагаются в момент последующего затем призывания Св. Духа и произнесения слов: "Преложи я Духом Твоим Святым". После этих двух сочинений открылась жаркая полемика по поводу вышеозначенного вопроса. Медведев и его сторонники пустили в ход сочинение киевского игумена Феодосия Сафоновича: "Выклад о церкви святой", и от себя написали "Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов", а монах Евфимий, бывший ученик Славинецкого, приставший к Лихудам, разразился против Медведева ругательным сочинением под названием "Неистовное Брехание". Затем Лихуды написали "Мечец Духовный", сочинение, в котором изложили в форме диалогов свой спор, происходивший во Львове с иезуитом Руткою, о всех различиях между православною и римско-католическою церквами. Толки о времени пресуществления из монашеских келий перешли в мирские дома и даже на улицу. Люди, мало понимавшие суть богословских тонкостей, увлекались этим вопросом; торгаши, ремесленники и даже женщины стали спорить о времени пресуществления. Церкви грозил новый раскол. Патриарх Иоаким принял сторону Лихудов. Нужно было заставить малороссийских духовных заявить со своей стороны голос в пользу Лихудов. Иоаким отнесся с этим к киевскому митрополиту Гедеону и к Лазарю Барановичу. Малороссийские архиереи были этим вопросом поставлены в весьма неловкое положение: в киевской коллегии давно уже учили о пресуществлении так, как писал Медведев; в "Лифосе" Петра Могилы изложено то же учение. Гедеон и Лазарь сперва было уклонялись от прямого ответа, но патриарх пригрозил им собором и приговором четырех

прочих вселенских патриархов. Тогда оба архипастыря дали ответ в смысле учения, проповедуемого Лихудами.

Заручившись таким заявлением, патриарх Иоаким созвал собор. В это время началось дело Шакловитого, повлекшее за собою падение Софии. Медведев также запутан в это дело. Он бежал с намерением укрыться в Польше, но был схвачен на пути, привезен в Москву, принес перед собором покаяние и, отрекшись от своих мнений, сам переименовал свою книгу вместо "Манна" - "Обмана". В январе 1690 года Медведева сослали в Троицкий монастырь, но через год, по доносу одного из соучастников казненного уже Шакловитого, он обвинен был в соумышлении с Шакловитым и, после страшных пыток огнем, обезглавлен 11 февраля 1691 года.

Патриарх Иоаким, осудивши Медведева и киевское учение о пресуществлении, велел составить от своего имени книгу, под названием "Остен". Книга эта написана Евфимием. В ней изложена вся история происходившего спора. В добавление к ней патриарх иерусалимский Досифей прислал собрание свидетельств, доказывающих справедливость учения Лихудов. Киевская партия потерпела жестокое поражение. Московский собор признал неправославными не только сочинения Медведева, но и писания Симеона Полоцкого, Галятовского, Радивиловского, Барановича, Транквиллиона, Петра Могилы и др. О Требнике Петра Могилы сказано, что эта книга преисполнена латинского зломудренного учения и вообще о всех сочинениях малорусских ученых замечено, "что их книги новотворенные и сами с собою не согласуются, и хотя многие из них названы сладостными именами, но все, даже и лучшие, заключают в себе душевредительную отраву латинского зломудрия и новшества". В Москве утвердилось было мнение, что приходящие из Малороссии и Белороссии ученые заражены латинскою ересью, что, путешествуя за границу и довершая там свое образование, они усваивают иноземные понятия и обычаи, что не следует слушать их и ездить к ним учиться. Говорили, что "вместо благословенного еллино-славянского учения, они преподают латинское учение, от которого ничего доброго нельзя надеяться, кроме противности и рати на святую церковь. В давние времена в Малороссии процветало восточное благочестие, как и у нас великороссиян, оно благодатию Божию, яко солнце, сияет, а когда вошли туда злохитрые иезуиты и принесли туда учение латинское, что случилось? Куда девались тамошние князья великие, православные: Острожские, Чарторийские, Четвертинские и иные?"

Через несколько времени сила Лихудов поколебалась. Патриарх иерусалимский, Досифей, прежде благоволивший к ним, не получивши от них требуемой суммы в пользу Гроба Господня, в 1693 году написал к обоим царям и к патриарху Адриану, заступившему место умершего Иоакима, что Лихуды - обманщики, тайные латинники, что они, получивши от патриарха благословение на обучение греческому языку, учат латинскому и, вместо богословских наук, "забавляются" физикою и философию; доносил на них, что они фальшиво называют себя князьями, что на самом деле они люди незнатного происхождения, убогие, ремесленные и пр. Справедливость патриаршего донесения поддерживали проживавшие тогда в Москве греки, завидовавшие Лихудам. По этим наветам

Лихуды, в 1694 году, были удалены от заведывания Академией и от преподавания.

Вместо них стали управлять Академией двое из их учеников ³¹, а в 1699 году назначен был первый "ректор" Академии Палладий Роговский. Лихуды оставались несколько лет в Москве и учили латинскому и итальянскому языкам. Царь Петр нашел, что они могут быть ему полезными, назначил им жалованье и приказал родителям отдавать Лихудам детей для обучения итальянскому языку, но греки не оставили их в покое: они вооружили против них патриарха Адриана и обвиняли их уже в политических преступлениях. Адриан донес царю, что Лихуды пересылают в Константинополь сведения о Московском государстве. Враги Лихудов добились таки, что, в 1701 году, они были удалены в Ипатьевский костромской монастырь.

Удаление Лихудов из Академии ободрило киевскую партию. В числе переселившихся в Москву малороссов был некто Гавриил Домецкий. Он был архимандритом Симонова монастыря и составил для своей обители устав под названием "Киновион, или изображение иноческого жития". Устав этот соблазнял строгих великорусских ревнителей древнего аскетизма. В этом уставе монахам вменялись в обязанность опрятность и чистота; больным и недужным монахам позволялось вкушать какую угодно пищу, хотя бы даже и в пост, потому что для нездорового человека не должно быть поста, да и самый пост, по уставу Домецкого, должен состоять более в количестве, чем в качестве принимаемой пищи и питья, а потому братии подавалось вино, пиво, мед, только не крепкие и в умеренном количестве. Трапеза братии полагалась здоровая и вкусная; признавались необходимым даже для иноков развлечения, только приличные и не безнравственные. Такая снисходительность не мешала Домецкому вооружаться против пьянства, о чем от него осталась даже проповедь. "Что это за монашество, - говорили про этот устав великороссияне, - когда в монастыре ставят ушаты с пивом и медом, а монахи между собою в сахарду играют. Латинские штуки! Польский закон!"

На соборе, поразившем анафемою Медведева, во время общего гонения на киевлян, Домецкий лишился звания архимандрита, но в 1694 году новгородский митрополит Иов пригласил его в Новгород и дал в управление Юрьевский монастырь. Тогда Домецкий попытался выступить на защиту своих земляков и написал опровержение против книги "Остен". "Можно ли давать такое название книге, - выражался он. - Остен значит кол прободающий, как будто церковь может так сурово поступать! Неприлично обращаться к архиереям неведомо от кого и говорить словно к малым детям: бей! коли! Несправедлив "Остен" к ученым киевским: они первые и лучшие защитники православной церкви. Патриарх Никон хорошо сознавал это, когда вызывал их из Киева, и все делал при их помощи". Затем Домецкий снова доказывал, что латинская церковь всегда была согласна с греческою по вопросу о пресуществлении и подтверждал свою мысль свидетельством многих отцов церкви, особенно Златоуста.

Против Домецкого поднялся инок Дамаскин, земляк и давний приятель митрополита Иова; он нападал на киевских ученых вообще. "Почему можно познать киевлянина? - говорит он. - Потому, что слышим от него хулу на

четыре престольных патриархов, на греческие монастыри и на всех греков; он читает польские и литовские книги и подражает обычаям и нравам, которые, по нашему разумению, не восточной части... Он Киев паче меры хвалит, а в великой России "книг не сказывает" (т. е. не признает, чтоб были книги), учения греческого не любит, а латинское принимает; сам собою как сатана стоять хочет". Обращая речь к малорусским ученым, он говорит: "Вы, новые мудрецы, выучите по-латыни b, c, d или немного поболее этого, да и величаетесь; других унижаете, всякий сан, и архиерейский и священнический, ни во что вменяете, людей искусных в Св. Писании обзываете неучами и невеждами. Мы уважаем свободные науки, но пусть они передаются нам такими людьми, которые со страхом слушают и исполняют божественные повеления, а кто в бесстрашии пребывает и в сластях, тому схоластические науки не только не приносят пользы, но вредны. У такого помысел свирепеет, обращается на то, что свыше меры; такой схоластик скорее, чем всякий неученый, сделается пакостником церковным и ересеизобретателем".

Но этим не ограничился Дамаскин: он писал Иову послание за посланием, убеждал прогнать Домецкого, не знаться с малороссами. "Призови, - говорил он, - лучше людей греческого воспитания, изволь поискать оного красносоделанного монастырского благочиния, которое ныне обретается на Афонской горе, а не в польских, литовских и малороссийских странах; киевляне все древнее благочестие изменили, перешли от смиренного на гордое, от скромного на пышное; и в одеждах, и в поступках, и в нравах - все у них латиноподобно. Если хочешь насладиться божественными книгами, вызови греческих переводителей и писцов и увидишь чудо преславное, а в этих латинниках нам нет никакой нужды. Можно, очень можно, обойтись без киевлян: не Бог посылает их на нас, а сатана на прельщение..." Наветы Дамаскина наконец подействовали: Иов удалил Домецкого. Домецкий уехал в Киев, где оставался до смерти.

Но киевской науке этим не был нанесен удар. Дамаскин мог вытеснить Домецкого из Новгорода, а между тем, в Москве, с наступлением XVIII века, окончательно восторжествовали киевляне. Малоросс Стефан Яворский, назначенный местоблюстителем патриаршего престола после умершего Адриана, внушил царю Петру, что киевские ученые могут быть всего полезнее для русского просвещения, и царь, задавшись мыслью пересадить в Россию западное просвещение, увидел в малорусских духовных превосходное орудие для своих целей; с тех пор малоруссы заняли места преподавателей в московской Академии; преподавание шло по киевскому образцу; даже большинство учеников в Москве было из малороссиян ³², наконец, на все важнейшие духовные места возводимы были малороссияне. Так не бесплодным осталось для русского просвещения перенесение киевской образованности в Москву в половине XVII века ³³.

1. Так, напр., у Транквиллиона о распятии Христа было выражение: "Пригвоздили до креста". Московские книжники возмутились этим, увидели здесь ересь, говорили, что следует писать: "ко кресту", не понимая того, что "до креста" по-малорусски и значило ко кресту: или, нашедши слово речь - в смысле

вещи (по латыни res = rzecz) они приняли это слово в том смысле, в каком оно употреблялось в Великороссии, и приписали автору такие мнения, каких он вовсе не имел. Густынские монахи, как мы уже заметили, именем Исаии Копинского уверяли москвичей, что Могила изменник православию. [Назад](#)

2. Подлинно неизвестно число всех прибывших с ним монахов. Впоследствии кружок ученых тружеников, работавших под руководством Епифания, простирался до 30 чел., но в число их входили уже и великоруссы. [Назад](#)

3. То были: священник Никифор, иеродиакон Моисей, бывший игумен Сергей, Михаил Родостапов, Фрол Герасимов и чудовский монах Евфимий, особенно привязанный к Славинецкому. [Назад](#)

4. Несколько сочинений Афанасия Александрийского (четыре слова), Пятьдесят слов Григория Богослова, Беседа Иоанна Златоустого на пятидесятницу, Иоанна Да-маскина О православной вере, Слово о поклонении иконам. Они были печатаемы. [Назад](#)

5. Уставы граждано-правительные; от Фукидидовы истории книга первая; о убиении краля аггельского; Гражданство и обучение нравов детских; Географии две части Европа и Асия; Книга врачевская, Анатомия, с латинского от книги Андрея Вессалия Брукселенска. [Назад](#)

6. В виде образчика переводов выпишем, напр., объяснение, что такое икона: "Всяка икона изявительна есть и показательна, яко что глаголю, понеже человек ниже виднаго, нагое имать знание телом покровенней души, ниже по нем будущих, ниже местом разстоящих и отсутствующих, яко местом и летом описанный к наставлению знания и явление и народствование сокровенных промыслися икона всяко же к пользе и благодеянию и спасению, яко да столествуем и являемым вещем раззнаем сокровенная" и пр. [Назад](#)

7. Он увещевает своих слушателей "изсечь душевредное стволие неправды богоизошренным сечивом покаяния, искоренить из сердец пагубный волчец лукавства, сожечь умовредное терние ненависти божественным пламенем любви, одождить мысленную землю душ небесным дождем евангельского учения, наводнить ее слезными водами, возрастить на ней благопотребные былые кротости, воздержания, целомудрия, милосердия, братолюбия, украсить благовонными цветами всяких добродетелей и воздать благой плод правды". [Назад](#)

8. На гробе его следующая надпись:

"Преходяй человеце! Зде став да взираеши,
Дондеже в мире сем обитаеши;
Зде бо лежит мудрейший отец Епифаний,
Претолковник изящный Священных Писаний,
Философ и Иерей в монасех честный,
Его же да вселит Господь и в рай небесный
За множайшии его труды в писаниих
Тщанно-мудрословные в претолкованиих
На память ему да будет

Вечно и не отбудет".

[Назад](#)

9. "Видевши сие, господствует в Никите, иже дерзав во богословские глубины ум свой пущати, се на бреже грамматического разума и в мелкости ея утопает, солнце хотевый соглядати, стези не видит. Приидите семо и малейшии отроцы грамматические хитрости рачителие, виждьте и судите о Христе. Дамаскин монах написал сия, виждьте, колико умен буесловец Никита, не о Христе Господе сие есть писано, но о тате и разбойнице или за иной который грех осужденном на смерть крестную человеце". [Назад](#)

10. "Да не снидет со крещающимся, молимся Тебе Господи, дух лукавый, попрачение помыслов и мятеж мыслей наводяй". [Назад](#)

11. Напр., вместо "смертию на смерть наступи" - смертию смерть поправ; вместо: "его же величающе Тебе, Дева, ублажаем" - его же величающе Деву ублажаем, вместо "яко воистину блажити тя, Богородице" - яко воистину блажити тя, Богородицу; вместо: "Христос воскресый из мертвых, истинный Бог наш, молитвами пречистыя его Матере" - молитвами пречистыя своея матере; - и тому подобное. Верх детскости взглядов и понятий выразился в том, что в известной песне на литургии "един свят, един Господь Иисус Христос" в слове Иисус Лазарь читает союз соединительный и видит разделение лица Христова.

[Назад](#)

12. Три первые главы составляют как бы вступление: здесь говорится о том, что такое христиане, откуда их вера, о ересях, а затем четырнадцать глав посвящены членам апостольского символа. [Назад](#)

13. Напр., зачем Христос начал свои страдания в ограде? - В ограде зачась болезнь и смерть чрез перваго Адама, в ограде второй Адам восхоте врачевство начати, да вдаст живот. - Или: сколько язв бысть на теле Господа? - Вящше пяти тысящ! - Или: потребно ли было присутствовать бабе при рождении Спасителя. - На это дается ответ отрицательный, ибо Дева Святая родила без болезни, в веселии и без всякой скверны. [Назад](#)

14. Замечательно, как автор определяет, что значит быть пьяным: "Тот истинно пьян, кто на другой день не помнит, что он делал и что говорил, с кем шел, как домой добрался и как спать лег, а тот еще не совсем пьян, кто хотя и шатается, но все помнит". [Назад](#)

15. Вот для примера до каких крайностей доходит у него страсть видеть во всем символы и объяснять их: напр., по поводу Рождества Христова развивается в проповеди такое положение: слово стало плотию, а плоть трава, ибо сказано: человек яко трава. Следовательно, Христос, родившись и ставши человеком, стал травую, "да мы скоти ту траву, то сено духовное ядуще от внутрь таимаго в нем слова восприимем слово совершенное или разум". Или, напр., в слове о блудном сыне, Симеон вещественным предметам, упоминаемым в евангельской притче, насильно дает аллегорический смысл: "Свиньи, которых принужден пасти промотавшийся блудный сын - скверные и нечистые помыслы; сапоги,

которые сыну дает отец - это сапоги крепости для путешествия к бесконечной жизни". [Назад](#)

16. К числу самых удачных, по-нашему мнению, можно отнести (Поучение в неделю 9 по пятидесятнице) сравнение житейского пути с плаванием по рекам: люди благоденствующие в мире словно сидят на покойном корабле и плывут; им кажется, что мимо их бегут горы, леса, города, а они сидят себе недвижимо; они видят, как одни богатеют, другие беднеют, одни рождаются и возрастают, другие стареются и умирают; здоровье и недуги, слезы и веселость сменяют одно другое, и кажется им, что сами они стоят выше меры, прилагаемой к другим, далеки от того, что постигает других, спокойны, беззаботны - как вдруг все исчезает, и корабль их доходит до пристанища гробного, и приходится душе грешной сходить с покойного корабля. [Назад](#)

17. Здесь он приводит басню, ходившую в его время, будто если постящийся человек наступит на змия, то змий издохнет. Не опровергая этой басни, он предоставляет рассуждать о ней "естествословцам". [Назад](#)

18.

Приводим образчики из этого перевода:

"Иже в помощи вышняго вручится,
В крове небеснаго Бога водворится;
Господу речет: заступник мой еси,
Ты ми надежда, живый на небеси,
Он мя из сети ловящих избавит,
Слово мятежно далече отставит,
Плещма своими будит осеняти,
Крылы своими от бед защищати" и пр.
Или: -

"Помилуй мя, Боже, по твоей милости,
По множеству щедрот сотри неправости,
От беззакония изволи омыти,
От греха моего мене очистити" и пр.

[Назад](#)

19.

Вящшая мой ум пользу промышляет,
Славу ти в мир весь простерта желает,
Иде же восток и где запад солнца;
Славен явлюся во вся мира конца.

[Назад](#)

20

Заклучен видит ми си быти,
В отчинной стране юность погубити.
Бог волю дал есть: се птицы летают,
Зверье в лесах вольно пребывают.
И ты мне, отче! Изволь волю дати,
Разумну сущу весь мир посещати.

[Назад](#)

21.

Что стяжу в дому? Чему изучюся?

Лучше в странствии умом обогащуся,
Юньших от мене отцы посылают
В чуждыя страны, потом ся не хаот.

[Назад](#)

22.

Бех у отца моего, яко раб плененный,
Во пределех домовых, як в тюрьме заминенный.
Не что бяще свободно по воли творити;
Ждах обеда, вечери, хотяй ясти, пити,
Не свободно играти, в гости не пущано,
А на красная лица зрети запрещено.
Во всяком деле указ, без того ничто же,
Ах! Колика неволя, о мой Святыи Боже!
Отец, яко мучитель, сына си томляше,
Ничесо же творити по воли даяше.
Ныне, слава Богови! От уз освободихся,
Егда в чуждую страну едва отмолихся.
Яко птенец из клетки на свет испущенный,
Желаю погуляти, тем быти блаженный.

[Назад](#)

23.

Аще кто проиграется, та мне утрата;
А кто добре выиграет, за труд гривна злата.

[Назад](#)

24.

Господь и мешок, то приятель правый,
Людная приязнь токмо для забавы.

...

Государь наш! Челом бьем тебе
За хлеб и за соль, а слуг ищи себе.

[Назад](#)

25.

Посмотрев на руке и пощупав, и паки глаголет:
О! Несть мозолей, зело мягки длани,
Бодрствуй отселе, лености престани.
Слышишь, приказчик, на село возьмите,
А свиньи пасти ему прикажите.

[Назад](#)

26.

Юным се образ старейших слушати,
На младый разум свой не уповати,
Старым - да юных добре наставляють,
Ничто на волю младых не спущають.

[Назад](#)

27.

То комидийно мы хоцем явити,
И ако само дело представити
Светлости твоей и всем предстоящим
Князем, боляром, верно ти служащим.
В утеху сердец здрави убо зрите,

А нас в милости своей сохраните.

[Назад](#)

28.

Благодарим тя о сей благодати,
Яко изволил действия послушати,
Светлое око твое созерцаше
Комидийное сие дело наше.

[Назад](#)

29. До сих пор еще вполне не доказано, что действительно Симеон был автором этого проекта, тем более, что проект был подписан Федором уже по смерти Симеона. Но в доказательство, что проект этот был еще ранее составлен Симеоном, можно привести то, что в этом проекте есть целиком места из Симеоновых проповедей, заключающиеся в его книге "Вечеря Духовная"; кроме того, в проекте предполагается поместить Академию в Заиконо-спасском монастыре, где постоянно жил Симеон. (См. Ист. М. Ак. Смирнова, стр. 16). Во всяком случае, если бы даже не Симеон писал этот проект при его жизни (писать помимо его было некому, потому что ближе Симеона никто не был к царю), то влияние Симеона на этот проект несомненно уже и потому, что он был учителем царя Федора, наконец весь проект пропитан нетерпимостью, свойственною духу западной церкви, а во влиянии католичества современники не напрасно обвиняли Симеона. [Назад](#)

30. Андреевский (где заводил прежде училище Ртищев), Данилов, Строминский, Несножский, Борисоглебский и Медведева пустынь со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и угодьями. [Назад](#)

31. Николай Семенов и Федор Поликарпов. [Назад](#)

32. Напр., в 1764 году в классе философии из 34 учеников только было три великороссиянина. [Назад](#)

33. Лихуды в 1706 году, прибывши в Новгород, заменили Домецкого для митрополита Иова и завели, по его повелению, два училища: одно - греко-латинское, другое - славянское для детей всех званий и, кроме того, четырнадцать так наз. грамматических школ в уездах новгородской епархии. В 1709 году Софроний поступил на должность префекта московской духовной Академии. Иоанникий проживал в Новгороде до 1716 года, когда умер митрополит Иов; затем он перешел в Москву и в следующем году скончался. В 1722 году Софроний был назначен архимандритом в Рязань и прожил там до своей смерти, случившейся в 1730 году. У Иоанникия осталось двое сыновей, за которыми признано княжеское достоинство.